

«ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ОРТА»

В начале любого дела сперва появляется идея, а потом она подхватывается остальными и начинается претворение её в жизнь.

Так и при создании Общества ремесленного и земледельческого труда среди евреев (ОРТ) вначале была идея и автором ее являлся **Николай Бакст (1842–1904)**, известный ученый – физиолог, писатель, ставший одним из немногих среди евреев, получивших звание профессора в тогдашней России и более 20 лет успешно и самоотверженно руководивший активно развивающейся организацией ОРТ.

Антисемитские настроения в Европе и плачевное состояние евреев в Российской Империи возбудили у Николая Бакста неподдельный интерес к еврейскому вопросу. Он считал, что необходимо добиваться полного равноправия евреев России и улучшения условий их существования. Бакст был экспертом комиссии, созданной русским правительством для пересмотра законов о евреях.

Николай Бакст был фанатично увлеченным человеком, не знающим компромиссов и твердо следующим своим идеям и убеждениям.

В архивах Всемирного ОРТа находятся Отчет Временного Комитета ОРТа за 1906 год и Отчет Общества ремесленного и земледельческого труда среди евреев за 1908 год, где были найдены воспоминания современников о Николае Баксте (эти материалы до сегодняшнего момента никогда не публиковались).

Вот отрывки из них:

а первая.

Не было той силы, матеріальной или нравственной, которая могла бы заставить его уклониться отъ того, что онъ считалъ правдой. Именно вслѣдствіе этой правдивости онъ такъ охотно признавалъ свои собственные ошибки, если ему это доказывали. Это хорошо знали близкіе ему люди. Вторая черта его характера — это глубина убѣжденій. Онъ не зналъ компромиссовъ, но онъ не зналъ также и колебаній. Въ его міросозерцаніи было все прочно установлено, его отношенія къ тѣмъ или другимъ явленіямъ жизни слагались не сразу, а медленно, послѣ долгихъ размышленій, но разъ опредѣлившись, они становились частью его сущности и онъ мѣнялъ ихъ только послѣ страшной внутренней борьбы.

науки. Такая цѣльная натура не знала ни компромиссовъ, ни полумѣръ. Но довольно пока и того, что его мечта стала мечтою другихъ, и будемъ надѣяться, что посѣянное имъ сѣмя дастъ современемъ и достойные его памяти всходы. Удивительное, однакожь, дѣло. Про-

И при этой нѣсколько суровой внѣшности Н. И. обладалъ въ высшей степени нѣжнымъ отзывчивымъ сердцемъ. Активная нѣжность къ близкимъ, такая же отзывчивость къ дальнимъ — вотъ третья кардинальная черта этого характера. Рѣдкій изъ обращавшихся къ нему уходилъ отъ него безъ совѣта и помощи. А обращались къ нему многіе: близкіе и дальніе. И если прибавить къ этому еще четвертую черту его характера — искреннюю религіозность, которая какъ то мирно уживалась въ его душѣ съ критическимъ направлениемъ фізіологической науки, составлявшей его специальность, — мы возстановимъ въ нашей памяти образъ Н. И., который съумѣлъ стать человѣкомъ и остаться іудеемъ повсюду и вездѣ, и на улицѣ Европы и въ шатрѣ Израиля.

Невозможно въ немногихъ словахъ очертить богато одаренную личность Бакста, дать хотя бы слабое представленіе о томъ огромномъ трудѣ, который имъ вложенъ въ наше дѣло. Человѣкъ рѣдкихъ дарованій и знаній, неутомимаго трудолюбія и безукоризненной добросовѣстности, съ ясною мыслью и чистою душою, непоколебимый и независимый, крупный работникъ, онъ въ теченіе 24 лѣтъ безкорыстно отдавалъ Комитету свой цѣнный трудъ, свое время, все свои силы и энергію. Изъ-дня въ день онъ неустанно слѣдилъ за ходомъ и развитіемъ дѣятельности К-та, страстно полюбилъ это дѣло, изучалъ каждый вопросъ, каждое ходатайство въ малѣйшихъ подробностяхъ, обдумывая и взвѣшивая съ свойственной ему серьезностью и основательностью каждый шагъ, каждую мѣру, каждую въ буквальномъ смыслѣ строчку, исходившую отъ Комитета, съ которымъ онъ какъ бы сросся. На протяженіи почти четверти вѣка нельзя было мыслить Вр. Комитетъ, не связавъ его съ именемъ Бакста. Дѣйствительно, въ немъ, какъ въ фокусѣ, сходились все нити К-та, отъ него все исходило и къ нему возвращалось. И это вполне понятно. Никто изъ насъ не былъ способенъ, да и не могъ посвящать К-ту столько труда и времени, сколько отдалъ ему Н. И., урывая время отъ своихъ научныхъ занятій и необходимаго отдыха, котораго онъ и не зналъ.

Въ сознаніи этой отвѣтственности, въ сознаніи всей серьезности и глубокаго, моральнаго значенія всякаго общественнаго дѣла, къ которому нельзя подходить съ легкимъ сердцемъ и которое должно быть чуждо всякихъ стороннихъ вліяній и побужденій, Бакстъ, съ своимъ твердымъ и опредѣленнымъ міросозерцаніемъ, вообще сторонившійся отъ преходящихъ, смѣняющихся теченій, не поддавался широкимъ заманчивымъ планамъ и предпріятіямъ на счетъ комитетскихъ суммъ, какъ бы настойчиво они не рекомендовались съ разныхъ сторонъ, какъ бы популярны они ни были въ данный моментъ, и, направляя все усилія къ поддержанію дѣятельности К-та въ строго-опредѣленныхъ, быть можетъ, нѣсколько узкихъ предѣлахъ, онъ бережно обращался съ каждымъ общественнымъ рублемъ, охранялъ каждую общественную копейку отъ сомнительныхъ затратъ хотя, далеко не скупился и на крупныя затраты, когда онѣ вызывались дѣйствительными, а не искусственно созданными потребностями, и шли на дѣло безусловно полезное и плодотворное. Ему, этому человѣку идеальной нравственной чистоты, его мудрой предусмотрительности, осторожной расчетливости, вытекавшей отчасти изъ стремленія К-та подготовить для будущаго Общества твердую почву, обезпечить ему финансовое положеніе, прочное и независимое, наше начинающее Общество въ значительной степени обязано тѣмъ, что, приступая къ своей дѣятельности, оно располагаетъ фондомъ, болѣе чѣмъ вдвое превышающимъ капиталъ, положенный въ основаніе Вр. К-та. Выдающіяся заслуги этого выдающагося человека даютъ ему неоспоримое право на нашу признательность, и память о Н. И. Бакстѣ, какъ залогъ крѣпости нашего Общества, да сохранится у насъ навсегда!

Бакст был убежден, что лишь образование и обучение полезным профессиям обеспечат будущее российского еврейства и что нищие евреи «черты оседлости» просто не выживут, если не научатся своим трудом обеспечивать себя и свои семьи.

Профессор Бакст не только продумал план создания организации ОРТ, которая посвятила бы себя этому важнейшему делу, но и убедил в значимости своего замысла крупного железнодорожного магната Самуила Полякова и влиятельного банкира Горация де Гинцбурга.

Но об этом и многом другом мы расскажем в дальнейшем наших публикациях...

*****

Знаете ли Вы, что Николай Бакст практически является отцом российской нейрофизиологии и его труды легли в основу современных разработок в этой области? А то, что Бакст был одним из учителей известного физиолога Ивана Павлова?

Николай Игнатьевич Бакст (Ноах Исаакович) родился в местечке Мир Минской губернии в семье раввина. В 1862 г. блестяще окончил естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, и вскоре Министерство народного просвещения командировало его на три года за границу для подготовки к профессуре по физиологии. Во время своей первой заграничной командировки Бакст работал под руководством знаменитого немецкого физика, математика, физиолога и психолога Германа Гельмгольца в Гейдельберге. Вместе с ним Николай Бакст определил скорость распространения возбуждения по нервным волокнам у животных и человека. Было установлено, что средняя величина скорости передачи раздражений по нервам руки человека составляет 33,9005 метра в секунду.

Также Бакст проводил исследование времени, которое необходимо для того, чтобы зрительное впечатление дошло до его восприятия сознанием. Помимо этого, здесь оценивалась также и зависимость сознательного восприятия от продолжительности впечатляющего фактора. Результаты, впервые добытые Николаем Бакстом в этой труднейшей области нейрофизиологии, до настоящего времени сохранили свое значение.

Блестящий преподаватель Николай Бакст сыграл исключительную роль в формировании Ивана Петровича Павлова как профессионала и в значительной мере как физиолога-мыслителя. Именно он, и еще ряд преподавателей в университетских аудиториях третьего этажа здания Двенадцати коллегий в Санкт-Петербурге, где и по сию пору помещается кафедра общей физиологии, приобщили юного Ивана Павлова к последним достижениям сильнейшей тогда европейской физиологии.